

КАТОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА В ЭПОХУ МИРОВЫХ ВОЙН

Г.Т. Сардарян

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

Предметом исследования является восприятие католической церковью проблем развития политических идеологий, движений и партий в период Первой и Второй мировых войн. Объект исследования – католическая политическая доктрина в период понтификата Бенедикта XV, Пия XI и Пия XII. Отдельное внимание автор уделяет ключевой энциклике – *Quadragesimo Anno*, изданной на 40-й год после послания *Rerum Novarum*, а также влиянию, которое церковь оказала на формирование послевоенной политической системы стран Европы. В работе широко использованы такие методы как диалектический, логический, сравнительный, системный, а также ряд других. Основным выводом автора является то, что в период мировых войн Церковь не концентрировала политическое учение только вокруг внешнеполитических вопросов, находясь в поиске политической платформы, способной обеспечить реализацию её принципов в рамках политического процесса. Очевидным образом, ни либерализм в чистом виде, ни тем более коммунизм таковыми являться не могли. Более того, именно в силу возникновения коммунистической угрозы Католическая церковь воспринимала ряд авторитарных режимов в ранние годы их существования как субъекты, которые возможно ориентировать на менее враждебное направление развития. В конечном же счёте Пий XII, выбирая между существующими политическими идеологиями, не сделал ставку ни на одну из них, отдав предпочтение выбору политического режима – демократии.

Key words: революция, католическое политическое учение, Бенедикт XV, Пий XI, Пий XII, демократия, Папа Римский.

УДК 322, 93, 327.39

Поступила в редакцию 08.07.2017 г.

Принята к публикации 10.12.2017 г.

Период понтификата Бенедикта XV, Пия XI и Пия XII, охватывающий исторический отрезок с 1914 по 1958 гг. при рассмотрении католической политической доктрины принято считать временем большей концентрации церкви на внешних отношениях, нежели на вопросах внутривнутриполитического устройства государства, статуса личности и церковно-государственных отношений. Это вполне естественно, учитывая две мировые войны, произошедшие в этот период, и в целом тектонические сдвиги в мировой политике. Однако, как утверждает американский социолог, политолог и историк Чарльз Тилли, «войны создают государства, а государства создают войны [29, с. 42]».

Очевидно, что революция в России, становление фашизма и нацизма в Италии и Германии, крушение величайших мировых империй не могли рассматриваться Святым Престолом только с внешнеполитической точки зрения. В конце концов речь шла о возникновении первого в мире государства с социалистическим строем, представлявшем на протяжении 70 лет единственную глобальную альтернативу либеральной модели конституции, а также режимов, в корне уничтожающих представления о либеральном пути развития европейских стран – итальянского, немецкого, португальского и испанского. При всех их различиях, данные режимы объединяло одно – выход политического дискурса о модели государственного строя за рамки противостояния либеральной демократии и Ancien Régime.

Мир, складывавшийся в начале XX в., знаменовал собой в действительности революционные трансформации общественной, культурной, научной и экономической парадигмы развития стран Запада. Европа того периода была разделена по многим параметрам. Прежде всего, разделена географически – Север и Юг развивались неравномерно. Если Берлин того времени – образец модернизации, экономического развития, Лондон – глобальный финансовый центр, то Рим представлялся прекрасной и при этом достаточно бедной антитезой богатому и динамичному Северу [10].

Надо отметить, что подобное разделение присуще и самой Италии – Север воспринимал Юг в качестве «североафриканской колонии», нещадно отстающей в своём развитии, а неаполитанцы и сицилийцы, в свою очередь, воспринимали северян не в качестве собратьев по национально-освободительному движению, а скорее как инициаторов и действующих лиц успешной экспансионистской кампании Савойской династии, осуществившей Рисорджименто (объединение Италии).

Схожая картина и в Габсбургской империи, где друг другу противостоят разные этнические группы, социальные классы, политические партии и движения.

Социальное разделение доходит до своего пика на фоне продолжающейся индустриальной революции. Класс рабочих, постоянно растущий и всё более не вписывающийся в сложившуюся систему социальных и политических отношений, начинает представлять серьёзную угрозу традиционному укладу западных

стран, а в России, как известно, приводит к революционным потрясениям, вылившимся в невиданное до этого насилие и кровопролитие.

Именно в этот период происходит становление т.н. «второго этапа» конституционного развития мира [1], напрямую связанного со становлением в России социалистического государства. Если до этого конституционное развитие предполагало постепенное распространение безальтернативной либеральной модели с разделением властей и политическим плюрализмом, то после Российской революции возникает социалистический уклад, подразумевающий отрицание распространявшихся на протяжении свыше, чем 100 лет конституционных норм либерального государства.

Влияние внешнеполитического фактора на политику Святого Престола в этот период было очевидным уже начиная с самого избрания Бенедикта XV. Конклав должен был избрать римского первосвященника в условиях, когда уже несколько месяцев бушевала Первая мировая война. Возможность избрания Папы Римского не из Италии была практически равна нулю, так как 18 из 31 не итальянских кардиналов представляли воюющие стороны. Итальянцы же составляли 34 из 65 кардиналов, принимавших участие в конклаве. Активно вмешивались в ход конклава иностранные государства – кардинал Хартманн из Кёльна пытался убедить остальных кардиналов Германии и Австро-Венгрии не поддерживать Джакомо Паоло Дживованни Баттисту дела Къезу (в последствии Бенедикта XV), отмечая, что тот является сторонником Мариано Рамполлы [20]. В 1903 г. Рамполла был одним из главных претендентов на папский престол, однако в виду его «излишне» профранцузской ориентации он приобрёл мощное сопротивление в лице австрийского императора Франца Иосифа I [30]. Согласно действующим на тот момент нормам, нескольким католическим монархам Европы (Испании, Франции и Австрии) предоставлялось *jus exclusivae* (право исключения) – вето кандидатуры при избрании Папы Римского. Несмотря на то, что конклав тогда публично отказался принимать вето императора, он, тем не менее, избрал Папой Джузеппе Мелкьорре Сарто (Пий X), который вскоре отменил право вето монархов в апостольской конституции *Commissum Nobis* [4], что стало весомым шагом в сторону разделения светской и духовной власти и обеспечения самостоятельности церкви. Австрия всячески пыталась убедить конклав проголосовать за кардинала Серафини, который должен был продолжить политику Пия X.

Учитывая опыт предыдущих конклавов, когда либеральный Лев XIII сменил консервативного Пия IX, а затем уступил свой престол не менее консервативному Пию X, важно было понимать – новый понтифик станет продолжателем традиции Пия X по борьбе с модернизмом, либо Святой Престол снова будет подвержен либеральным веяниям? Бенедикт XV не был известен широкой общественности, и ответа на данный вопрос никто дать не мог.

В своей первой энциклике *Ad Beatissimi Apostolorum*, традиционно рассматривающейся в качестве призыва к миру, обращённого к воюющим сторонам,

Бенедикт XV затрагивает целый ряд вопросов, связанных с политическими и социальными изменениями в Европе. Он видит причину страшных военных столкновений не только во внешнеполитических амбициях государств, но и в тех внутренних процессах, которые привели Европу к такому масштабу конфликта. По мнению понтифика, с тех пор как в управлении государствами перестали соблюдаться христианские принципы, служившие основой для мира и стабильности институтов, сами основы государств обязательно должны были начать расшатываться, а изменения в этике, в частности, в морали и нравственности общественности способны привести к концу цивилизации. Ещё одной проблемой он считает ослабление авторитета власти, которое, в конечном счёте, приводит к посягательству на частную собственность и жизнь граждан со стороны дезориентированного общества [2].

В данном случае позиция церкви была достаточно хорошо известна и заключалась в восприятии принципов светского характера государства исключительно с точки зрения недопустимости вмешательства власти в дела Святого Престола, при существенном влиянии духовенства на власть.

Что представляется более важным в обозначенной энциклике – это рассмотрение ключевых вопросов общественного устройства, составляющих предмет диспута между правыми и левыми политическими идеологиями. Понтифик отмечает, что общество стало разделено на два противоборствующих лагеря – тех, кто владеет имуществом, будь то по наследству или по собственной деятельности, и пролетариат, воспламенённый ненавистью и завистью, потому что, хотя они по своей природе равны, они не занимают того же положения, что богатые, будучи проникнутыми заблуждениями агитаторов, к чьим заветам они наиболее послушны. Бенедикт XV убеждён, что прямой связи между природным равенством человека и его одинаковым статусом в обществе существовать не может, так как положение каждого – это то, что он, используя свои природные способности, способен сделать для себя. На его взгляд, бедные, которые борются с богатыми, не только действуют вопреки справедливости и милосердию, но и действуют нерационально, потому что они сами могут улучшить собственное состояние.

Очевидно, что из двух столкнувшихся на тот момент политических идеологий – коммунизма и либерализма, данная позиция в наибольшей степени близка именно к правым политическим движениям. Церковь беспрекословно защищает частную собственность, рыночную экономику, отрицая при этом социалистические представления о способах преодоления общественного неравенства. Сама идея неравенства воспринимается церковью как присущая человеческому обществу.

Сравнение подобной позиции со взглядами ключевых идеологов либерализма показывает, что доктрины друг другу существенно не противоречат. Джон Локк утверждает, что смесь труда человека с ресурсами, созданными природой, создаёт результат этого труда – природу, трансформированную человеческой

активностью в законную собственность, накладывая на других естественные обязательства по уважению этих продуктов как собственности, принадлежащей тому, кто её произвёл [14]. Шарль Монтескьё, в свою очередь, вообще предлагает ограничить гражданские права лиц, не владеющих собственностью, отмечая, что при выборе представителей все граждане в различных районах должны обладать правом голоса, за исключением тех, чьё состояние настолько бедно, что они не способны обладать собственной волей [17].

То есть, не оправдывая социального неравенства, и Святой Престол, и идеологи либерализма, тем не менее, не могут отрицать его неизбежности, а также неприкосновенности частной собственности. Идея же о всеобщем равенстве возможностей, будучи куда более привлекательной и гуманной, тем не менее, в виду своего несоответствия человеческому естеству, его природе и реалиям общества, ведёт в конечном счёте не к более справедливому распределению общественного блага, а к ещё большему столкновению разных общественных слоёв, попыткам незаконного овладения чужой собственностью либо и вовсе её уничтожению. По всей видимости, не будь столь мощного социалистического движения к востоку от границ католического мира, он был бы в большей степени сконцентрирован на дискурсе с либерализмом о природе происхождения данных прав, их масштабе и степени всеобщности. Однако, учитывая политические реалии, выбор был сделан в пользу относительного компромисса, который должен был помочь справиться с нарастающей угрозой левых политических движений, представляющих для церкви, несомненно, куда большую угрозу.

Необходимо отметить, что ряд учёных полагают, что большевистская угроза якобы воспринималась Святым Престолом в несколько ином ключе. Царизм, в данном случае, рассматривается как препятствие для распространения католицизма внутри России, а его падение, секуляризация страны, соответственно, якобы давали возможность для обращения русского народа в католицизм [21]. Представляется, что данная позиция всё же мало соответствует действительности. В её основе лежат статьи не самых высокопоставленных иерархов Католической церкви, а многочисленные энциклики самого Папы Римского как правило не рассматриваются. Коммунизм в любых его проявлениях рассматривался Ватиканом как величайшее из зол, возможных в сфере политических идеологий.

О том, что коммунизм подтолкнул Католическую церковь к компромиссу с либерализмом и фактическому союзу с капитализмом, писали и такие, мягко говоря, далёкие от церковной иерархии деятели, как Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Знаменитая фраза о бродящем по Европе призраке коммунизма сменяется утверждением о том, что «для священной травли этого призрака объединились Папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские» [16, с. 5].

Таким образом, масштаб угрозы со стороны коммунистической идеологии стал ключевым фактором в компромиссе Католической церкви и либерализма, а затем и ряда других политических идеологий. До появления мощного левого

движения Святой Престол постепенно претендовал на возврат утраченных позиций, умело использовал возможности представительской демократии, создавая христианско-демократические партии и достигая с ними успеха.

К примеру, на выборах в Италии 1919 г., «Народная партия Италии», основанная в том же году католическим священником Луиджи Стурцо, заняла на выборах в парламент страны второе место после социалистов, уступив им 12% с результатом 20,5%, опередив либералов, набравших 15,9% [20]. Во Франции подобные результаты отследить куда сложнее, так же, как и динамику их развития, так как целый ряд политических партий ассоциировал себя с католицизмом, представляя при этом различные центристские и правые течения. В том числе речь идёт и о различного рода католических республиканских партиях, стремящихся соединить в себе ценности республики и католической политической доктрины, для противостояния левым. К ним относятся и «Монархисты», и «Партия народного либерального действия», и «Христианские демократы», и «Интегрлисты». В конечном счёте христианское поле во Франции стало разделено на лагерь «либерал-католиков» и «социал-католиков», так же, как и вскоре в Италии.

Бенедикт XV скончался от пневмонии в 22 января 1922 г., уступив Святой Престол Аброджио Дамиано Акилле Ратти, ставшему в последствии Папой Пием XI – первым суверенным правителем Ватикана, после его создания в 1929 г.

В первой же своей энциклике *Ubi Arcano Dei Consilio* Пий XI провозглашает, что различные формы правления, в том числе республиканская, не противоречат принципам католической веры, которые легко примирить с любой разумной и справедливой системой правления¹. В этот период христианская демократия перестаёт быть тождественной монархистским политическим движениям и находит возможность для собственного развития в рамках республиканской формы правления, хотя и до этого достаточно успешно пользовалась отдельными её элементами.

Одним из наиболее сложных вопросов, выпавших на период понтификата Пия XI, являются отношения Церкви с режимом Муссолини в Италии и Гитлера в Германии. Уже к 1923 г. лидер «Народной партии Италии» Луиджи Стурцо вынужден подать в отставку, так как оказывается неспособен переубедить Святой Престол перейти в жёсткую оппозицию к Муссолини, пришедшему к власти в том же году. Вскоре Стурцо покинет Италию и будет вынужден находиться в изгнании в Великобритании.

Переговоры между Католической церковью и правительством Италии начались в 1926 г. (на заключительной стадии в них участвовал лично Муссолини) и продолжались до 1929 г., когда были заключены Латеранские соглашения, состоящие из договора, финансовой конвенции и конкордата. В первой же статье договора провозглашалось, что «Италия признаёт и подтверждает принцип, со-

¹ Lateranesi Patti. Articolo 1.

гласно которому католическая, апостольская и римская религия является единственной религией государства»².

Необходимо сразу уточнить, что конкордат с Муссолини был заключён на фоне более широкого процесса по созданию правовой базы с светскими правительствами стран Европы и Америки, в основе которого лежало стремление гарантировать возможность существования католических организаций, движений и объединений на территории данных государств. Фактически посредством конкордатов Святой Престол стремился к решению нескольких задач – признанию католических организаций (т.н. «Католического действия»), приданию правового статуса церковным бракам, а также эксклюзивному праву назначения епископов без какого бы то ни было согласования со светской властью, уступая при этом в вопросах, не составляющих предмета духовных функций Церкви [7].

В этих условиях содержание конкордата с Италией представлялось невероятным достижением, положившим конец «Римскому вопросу», причём на условиях, чрезвычайно выгодных для Ватикана. Сам Папа в своей энциклике *Quinquagesimo Ante* говорит о данном событии чрезвычайно торжественно, называя день подписания соглашения «самым счастливым днём, наступившим быстрее, чем все надеялись»³.

Тоталитарные режимы Европы оказались менее антикатолическими, чем либеральные, будучи готовыми идти на куда большие уступки. Конкордат с Муссолини стал первым соглашением, в котором были отражены практически все требования Святого Престола по отношению к светской власти того периода.

Ряд учёных, рассматривая компромисс Ватикана с Муссолини, утверждают, что его причину необходимо искать в заложенном в католической политической доктрине стремлении к признанию утверждённой власти и, соответственно, учитывая, что Муссолини был премьер-министром Италии, именно этим и объяснялось желание и готовность церкви начать с ним переговоры [28].

Тем не менее таким же образом можно было бы утверждать, что до этого была установлена власть Королевства Италии, однако на протяжении десятилетий Святой Престол не достигал подобных результатов с её руководством и запрещал итальянским католикам участвовать в политической жизни страны.

По всей видимости в данном контексте снова можно вспомнить про «угрозу слева». Муссолини, так же, как и ряд других европейских диктаторов, изначально рассматривался как метод борьбы с коммунизмом. Одна часть церкви надеялась «католицизировать» режим, другая видела в подобном развитии событий временное явление, позволившее, тем не менее, решить Римский вопрос – политическое противостояние между итальянским правительством и папством,

² *Inter sanctam sedem et Italiae regnum conventiones initae die 11 Februarii 1929.* [Электронный ресурс]: URL: http://www.vatican.va/roman_curia/secretariat_archivio/documents/rc_seg-st_19290211_patti-lateranensi_it.html (дата обращения: 01.12.2017).

³ *Tutte le encicliche e i principali documenti pontifici emanati dal 1740: Pio XI (1922-1939).* Libreria editrice vaticana, 1993. p. 341.

длившееся с 1861 г. Как бы то ни было, тоталитарные режимы оказались в большей степени готовы к диалогу с Ватиканом, нежели либеральные правительства, а в вопросе борьбы с коммунизмом, представлявшем безусловную угрозу для Католической церкви, являлись существенной силой.

Конкордат с Германией был заключён под большим влиянием от результата договорённостей с итальянским правительством. Необходимо сразу отметить, что переговоры между Ватиканом и Германией начались ещё до установления в ней диктатуры, однако именно режиму Гитлера удалось подписать конкордат, который затем им же неоднократно нарушался.

Для нацистского режима конкордат с Ватиканом был направлен, в первую очередь, на решение внутривнутриполитических проблем, в отличие от аналогичного соглашения Муссолини, которое регулировало одну из наиболее болезненных внешнеполитических проблем Италии, имея, конечно же, весомое значение и для внутренней политики.

Гитлера беспокоило, что противостояние группы католиков его режиму на религиозной почве может стать препятствием для массового перехода немцев к новым политическим реалиям [31]. В тот период политическое представительство католиков в Германии осуществлялось посредством «Партии центра», а в Баварии – «Народной партии». Они оказались лишены существенной части своих аргументов в идеологической борьбе против нацизма, который Гитлер на первых порах стремился представить, как защитника христианства.

Необходимо учитывать, что ещё до становления нацистского режима в Германии Ватикан подписал конкордаты с тремя германскими территориями с наибольшей долей католического населения – Баварией, Пруссией и Баденом. Соглашения обеспечивали местное католическое население максимально возможными гарантиями безопасности и самостоятельности. Однако опасность заключалась в том, что в случае, если бы Ватикан отказался подписать новый конкордат уже с нацистским режимом, то упоминавшиеся соглашения были бы денонсированы, что поставило бы местные общины под удар, особенно учитывая тот факт, что в период ратификации региональных конкордатов национал-социалисты голосовали против них в региональных парламентах.

Если в случае с католиками речь шла о попытке с одной стороны обезопасить собственные общины на территории Германии, а с другой – найти силу, способную представлять влияние коммунистам, то в случае с протестантами сближение с национал-социалистами обрело совершенно иной окрас. В 1932 г. создаётся организация «Христиане Германии». Уже в 1933 г. при прямом вмешательстве нацистов созываются церковные выборы, по результатам которых «Христиане Германии» выигрывают в 24 из 27 региональных церквях. Архиепископом Рейха становится советник Гитлера Людвиг Мюллер [27].

Реакция католических архиепископов на подписание конкордата была двоякой. Возражать против содержания самого соглашения было бессмысленно, так как посредством него Ватикан пытался обеспечить безопасность католиков

в Германии. Непосредственно текст конкордата был направлен на то, чтобы уверить католиков внутри Германии, а также сам Святой Престол в том, что в лице нацистов можно найти верных союзников в борьбе с безбожниками-коммунистами. Сам же Третий рейх должен был предстать вовсе не угнетателем христиан, как это вскоре окажется, а их самым главным защитником.

Архиепископы и епископы поддерживали те гарантии, которые были закреплены в конкордате, в частности, религиозные свободы, право церкви на управление собственным имуществом, определение правового статуса священнослужителей. В вопросах же, не разрешённых в рамках конкордатов с Пруссией, Баварией и Баденом, а именно касательно католического образования и существования католических молодежных организаций, фон Папен пошёл на принятие практически всех условий Ватикана [26].

Основные сомнения были связаны не с содержанием соглашений, а с тем, чтобы они «стоили больше чем бумага, на которой они изложены». Подавляющее большинство католических священнослужителей было убеждено, что Гитлер нарушит соглашения, что вскоре и произошло.

Уже через четыре года после подписания конкордата Папа Пий XI издаёт энциклику *Mit Brennender Sorge* (в переводе с немецкого — «С огромной обеспокоенностью»), в которой подвергает критике режим в Германии и выражает разочарование результатом, достигнутом после заключения соглашения. В этой энциклике он вскользь отмечает и причину, побудившую его пойти на переговоры с немцами, утверждая, что «если тогда древо мира, которое мы посадили на германской земле с чистейшим намерением, не принесло плода, мы надеялись, что никто в мире, у кого есть глаза, чтобы видеть и уши, чтобы слышать, не сможет возложить вину на Церковь»⁴.

Святой Престол говорит о «врагах Христа и его Церкви», не называя при этом конкретных имён, но достаточно однозначно указывая на режим в Германии. Скажем, Пий XI говорит о том, что кто бы ни возвышал расу или народ, государство или определённую его форму, какую-либо иную фундаментальную ценность человеческого сообщества, кто бы ни обожествлял их до идолопоклонства – искажает и извращает порядок мира, запланированный и сотворенный Богом.

В секретном докладе, предоставленном Нюрнбергскому трибуналу в качестве доказательства Управлением стратегических служб (англ. Office of Strategic Services, OSS) — первой объединённой разведывательной службы США, на основе которой было создано ЦРУ, рассматривались гонения нацистов на христиан. В материале, названном «Нацистский генеральный план: преследование христианских церквей» (*The Nazi Master Plan; The Persecution of Christian Churches*) говорится о том, что «национал-социализм по самой своей природе был вражде-

⁴ Catholic Church. Pope (1922-1939 : Pius XI). Encyclical Letter (*Mit Brennender Sorge*) of His Holiness Pius XI by Divine Providence Pope on the Situation of the Catholic Church in Germany. Catholic Truth Society Publ., 1941. P. 2.

бен по отношению к христианству. Целью национал-социалистического движения была конвертация немцев в гомогенную расовую группу. Несмотря на консервативную позицию христианских церквей в Германии, в частности, согласие с авторитарными методами управления, нападки на социалистов и коммунистов, несогласие с условиями Версальского мира, тем не менее, доктринальные убеждения не позволяли им примириться с принципами расизма, агрессивной военизированной внешней политикой, внутренней политикой по абсолютному подчинению церкви государственной власти. Лидеры партии национал-социалистов ставили своей окончательной целью полноценное уничтожение христианства и замену его расовой религией, отвечающей потребностям партии»⁵.

Через пять дней после издания *Mit Brennender Sorge* Пий XI издаёт энциклику, целиком посвящённую критике коммунизма – *Divini Redemptoris*. Само появление коммунизма Святой Престол связывает с попытками дехристианизации европейского общества, что, по мнению Католической церкви, было организовано группами интеллектуалов, стремившихся освободить европейцев от религии и морали⁶. Марксизм рассматривается Ватиканом как квинтэссенция зла, в его рамках никакие права индивида не признаются в отношениях с коллективизмом, а его роль сведена к шестерёнке в большой коммунистической системе, сам же индивид не обладает никакими имущественными правами на материальные блага или средства производства, что также считается Святым Престолом недопустимым. Основной посыл Пия XI – противопоставление коллективизму коммунизма центральной роли человека в политической доктрине Католической церкви. Понтифик убеждён, что общество создано для человека, а не наоборот, и что только человеческая личность, а не общество, в любой его форме, наделена разумом и моральной свободной волей.

Итальянский философ, журналист, основатель и руководитель «Итальянской коммунистической партии» Антонио Грамши в подтверждение оснований для враждебного отношения Ватикана к коммунизму рассматривает церковь как одно из главных исторических препятствий для распространения модернизма и либерализма, которым не удалось сломать существующий порядок, что должно удасться марксизму, который должен пробудить в людях революционный потенциал [11].

Грамши, как и итальянские коммунисты в целом, восторгался способностью Католической церкви влиять на социальные процессы, образ поведения индивидов. В их представлении, Католическая церковь являлась абсолютным гегемоном общественного сознания, что автоматически делало её соперницей «революции» и предопределяло необходимость уничтожения роли христианства в обществе для распространения идеалов марксизма в европейских странах.

⁵ United States Office of Strategic Services. Research and Analysis Branch. The Nazi master plan : the persecution of the Christian churches. Office of Strategic Services, Research and Analysis Branch, 1945. p. 5-7.

⁶ Catholic Church. Pope (1922-1939 : Pius XI). Encyclical Letter (*Divini Redemptoris*) of His Holiness Pius XI by Divine Providence Pope on Communism, Capitalism and Christianity. Catholic Truth Society Publ., 1943. 2 p.

Энциклика имела важное значение и с точки зрения её позиционирования среди интеллектуалов. До этого идеологическое противостояние между Ватиканом и марксистами охватывало в первую очередь класс рабочих.

Однако к 1937 г. марксизм обретал всё большую популярность среди молодых интеллектуалов, в особенности во Франции. Профессор Ливерпульского университета Кай Чадвик, рассматривая Францию в период 1937 г. отмечает, что, когда французский коммунист Анри Лефевр представлял марксизм как воплощение гуманизма прометеевского масштаба, требовалась хорошо обоснованная, сложноустроенная критика [6].

Хотя, как бы странно это ни звучало, но прагматизм, реализм и честность церкви стали одной из причин её неспособности одержать верх в борьбе с новыми политическими идеологиями. Эгалитаризм и левых, и правых, нереализуемый априори, тем не менее, был для широких масс куда более притягательной перспективой устройства общества в будущем, нежели реалистичная картина, представляемая церковью.

Особой важностью обладает энциклика Пия XI, изданная ещё до заключения конкордата с немцами, в которой обсуждаются этические последствия социального и экономического порядка начала. Энциклика *Quadragesimo Anno*, изданная через 40 лет после *Rerum Novarum* Льва XIII, дословно переводится как «на сороковой год».

По иронии судьбы, самый значимый вклад в составление энциклики внесли германские иезуиты Густав Гундлах и Освальд фон Нелл-Брёнинг. Сразу после публикации энциклики правительство фашистской Италии поспешило заявить, что все требования к социальному порядку, обозначенные в послании Папы Римского, уже реализованы режимом Муссолини, более того, ему удалось достигнуть результатов куда более внушительных, чем требовали того *Rerum Novarum* и *Quadragesimo Anno* [3].

Рассматривая обращение Папы Римского, необходимо отметить, что оно, помимо прочего, является одним из ярчайших примеров реализма церкви, в вопросах, связанных с социально-политическим устройством общества. В нём очень комплексно отражена системная позиция Ватикана в отношении либеральной и социалистической политических идеологий, в частности их позиций в вопросе неравенства. Пий XI говорит, что и 40 лет назад Лев XIII, автор *Rerum Novarum*, не ждал никакой поддержки ни от либералов, ни от социалистов, так как «либерализм доказал, что совершенно неспособен правильно решить социальную проблему, а социализм предложил средство намного хуже самого зла, способное подвергнуть человеческое общество большой опасности» [5].

Сама энциклика построена по принципу раскрытия положений предыдущей – *Rerum Novarum*, где традиционно большое внимание уделяется вопросам частной собственности, составляющей в период идеологического столкновения середины XX в. один из ключевых аспектов политического содержания социального развития европейских государств.

Рассмотрев позицию Католической церкви по вопросам неотъемлемости частной собственности, Пий XI при этом уделяет особое внимание тому, что в современных условиях принято обозначать как «социальная ответственность бизнеса». Он утверждает, что избыточные доходы человека, а именно те, что превышают его потребность в поддержании достойного уровня жизни, не могут быть оставлены ему одному, так как Священное Писание и церковь убеждены в том, что богатые связаны очень серьёзным обязательством практиковать милостыню, благотворение и щедрость [5]. При этом понтифик подвергает жёсткой критике социализм за его стремление национализировать все средства производства. Внутри либерализма же Папа выделяет индивидуализм, как одну из угроз взаимоотношениям между государством и обществом, так как, по его мнению, вне различных форм ассоциаций и объединений количество запросов к государству становится бесконечным, и оно в итоге оказывается недееспособным.

В условиях нынешней парадигмы либерализма, предполагающей зачастую обратную форму дискриминации, когда интересы меньшинства навязываются большинству, подобная точка зрения уже не представляется далёкой от истины.

Ключевым же значением, в данной связи, обладали два принципа, выдвигаемые Пием XI, которые на долгие годы сформулировали основополагающие направления развития европейских политических систем – субсидиарность и корпоратизм.

Понтифик, говоря об изменениях в политических системах стран мира, отмечает, что передача функций и полномочий индивидов на уровень сообществ так же не справедлива, как любая попытка передачи вышестоящим объединениям того, что может быть выполнено нижестоящими. По данной причине, по мнению Пия XI, верховная власть должна позволять иерархически подчинённым группам решать вопросы меньшей степени важности, оставляя за собой только те полномочия, которые они осуществлять не смогут.

Подобный подход окажет важное влияние на развитие федерализма в Европе, так как стремление к разграничению сфер ведения с закреплением за государственной властью того объёма полномочий, которые не могут быть осуществлены региональными образованиями, является одним из столпов развития данной формы политико-территориального устройства.

Принцип субсидиарности в конечном счёте был закреплён и в учредительных документах Европейского союза, в частности, ст. 5 Договора о Европейском союзе. Несмотря на страх современной европейской политической элиты называть Европу наследницей и результатом христианского цивилизационно-культурного наследия, в одном из основополагающих актов она практически дословно дублирует позицию Католической церкви, утверждая, что «руководствуясь принципом субсидиарности, в сферах, которые не входят в его исключительную компетенцию, ЕС действует только в том случае, если и в тех случаях, когда цели предполагаемого действия не могут быть в достаточной степени до-

стигнуты государствами-членами как на центральном, так и на региональном и местном уровне, но могут по причине масштаба или последствий действия быть достигнуты на уровне Союза»⁷.

Сам дискурс относительно степени влияния христианских ценностей на формирование европейских политических систем и направлений развития политических процессов может быть лишён смысла. Ряд учёных, например, Карлос Эдуардо Мальдонадо утверждают, что распространение данного принципа напрямую связано с периодом власти христианских демократов в Италии [15]. Однако, более важным представляется другое. Если в таком узконаправленном вопросе, как политико-территориальное устройство государства принципы Католической церкви были реализованы сначала в политических системах европейских демократий, а затем и закреплены в учредительных документах ЕС, то о более крупных и базисных институтах, таких, как разделение властей, правовое государство и пр. можно и не говорить.

Пию XI часто ошибочно приписывают внедрение в обиход самого термина «солидарность», что не является правдой. Он безусловно затрагивал темы, составляющие содержание данного термина, как это делали и многие его предшественники, однако сам предпочитал говорить об «общественной справедливости». Тем не менее, стремление найти альтернативу предлагаемым капитализмом и марксизмом моделям социально-экономического устройства приводит понтифика к идее корпоратистского трипартизма.

Корнями она уходит в средневековые гильдии, братства и ордены. Лев XIII в 1884 г. создал комиссию для изучения корпоратизма, которая определила его как «систему социальной организации, которая имеет в своей основе объединение людей в соответствии с общностью их интересов и социальных функций, которое направляет и координирует рабочих и капитал в вопросах, составляющих общий для них интерес» [32].

Пий XI видел в корпоратизме перспективу для создания модели социально-экономических взаимоотношений, в которой граждане будут организованы в гильдии и добровольные объединения, сотрудничающие друг с другом в условиях нейтрального государства. Несмотря на позицию Католической церкви о том, что католическая доктрина не является третьим путём, в данном случае можно утверждать, что корпоратизм выступает как альтернатива либеральному индивидуализму и марксистскому тоталитаризму. Несмотря на то, что в советской науке было принято проводить параллель между поддержкой церковью корпоратизма и системами, сложившимися в фашистских государствах, очевидно, что в большинстве стран, где после Второй мировой войны у власти находились христианские демократы, и не только, сложились модели социаль-

⁴ European Union. Treaty on European Union (Consolidated Version). Official Journal of the European Union, C326/01, 26.10.2012. art. 5.

но-экономического устройства, находящиеся под безусловным влиянием корпоративистского трипартизма.

Наследник Пия XI – последний на данный момент в именной династии Пий XII сделал последний шаг перед Вторым Ватиканским собором, кардинально изменившим политическое учение Католической церкви. Ставка на демократию и права человека, в том числе политические, в отличие от социально-экономически ориентированных энциклик Льва XIII, стали доминирующими в период понтификата Эудженио Мария Джузеппе Джованни Пачелли.

Ещё в период до интронизации Пачелли приходилось контактировать с нацистами и фашистами. Более того, именно он, будучи государственным секретарём Святого Престола, вёл переговоры и подписал с немцами «Рейхсконкордат». Возможно, опыт и знание реалий тоталитарных режимов также сыграли свою роль в определении Пием XII позиции Ватикана по моделям политического устройства государств.

Сам образ Пия XII представляется чрезвычайно интересным и неоднократно становился предметом ожесточённых споров в среде научного сообщества. Кульминацией отрицательных оценок в отношении понтифика можно считать книгу британского учёного Джона Корнвелла [8], изданную в 1999 г. под названием «Папа Гитлера: тайная история Пия XII», в которой Пачелли обвиняется в недостаточно жёсткой позиции в отношении нацистов и легитимизации режима Гитлера путём заключения с ним конкордата. Пий XII представлен в книге ярким антисемитом, заботящимся исключительно об укреплении собственной власти.

Однако, подобные утверждения представляются мало соответствующими действительности. Будущий премьер-министр Израиля, а на тот момент – министр иностранных дел Голда Меир в своём письме в Ватикан по случаю смерти Пия XII отдельно отметила, что «когда страшное мученичество настигло наш народ, голос Папы был слышан в защиту жертв. Жизнь нашего времени была насыщена голосом, говорящим о великих моральных истинах, стоящих над бытием повседневного конфликта» [25].

Естественно, это далеко не единственная в своём роде положительная оценка деятельности Папы от еврейских и мировых лидеров во время и в годы после войны, все они достаточно хорошо задокументированы. Первые обвинения в его адрес стали звучать только после его смерти, в частности, в пьесе [12] «Заместитель» 1960 г., в которой понтифик представлен явно отрицательным персонажем. Этот тренд будет продолжаться достаточно долго, как в средствах массовой информации, так и среди отдельных групп учёных.

Однако недавние труды специалистов по данному периоду истории доказывают совершенно обратное. Так, американский автор Марк Риблинг утверждает, что благодаря недавно полученным сведениям можно с уверенностью полагать, что Пачелли, в бытность ещё кардиналом, развернул тайную деятельность, чтобы сорвать первую попытку Гитлера захватить власть в 1923 г. Когда же лидер нацистов пришёл к власти, Пачелли следовало следить за соблюдением Герма-

нией договора. С этой целью им была создана чрезвычайно сложная епископальная сеть разведки, сосредоточенная в Мюнхен-Фрайзинг. После того, как Пачелли стал Папой Пием XII, эта разведывательная сеть сыграла, по мнению автора, жизненно важную роль в попытках свергнуть Гитлера, организованных Ватиканом [24].

В своём рождественском послании 1944 г. Пий XII касается системных вопросов политического устройства государства. Ряд учёных ошибочно трактует это обращение как выбор Пием XII либерализма в качестве наиболее желаемой политической идеологии. Как и в других случаях, речь идёт о подмене понятий, так как понтифик говорит о демократии, которая может иметь самые различные формы, лишь одной из которых является либерализм. В самом послании слово «либерализм» вовсе не употребляется, а содержание видения понтифика в отношении институтов власти и их взаимоотношения с обществом и церковью представляются скорее центристскими, нежели либеральными.

Пий XII, в частности, утверждает, что «обладая горьким опытом, народы более агрессивны в противостоянии концентрации диктаторской власти, которую нельзя подвергать цензуре, и призывают к форме правления, в большей степени соответствующей достоинству и свободе граждан. Эти толпы, взволнованные войной сегодня, твердо убеждены – если бы существовала возможность осуждения и исправления действий государственной власти, мир не был бы втянут в вихрь катастрофической войны, и, чтобы избежать в будущем повторения такой катастрофы, мы должны обеспечить эффективные гарантии самим людям» [22].

Однако это вовсе не противоречит предшествующим энцикликам Святого Престола. С самого момента Великой французской революции Католическая церковь утверждала, что без контроля государственной власти с её стороны, без подчинения политического моральному никакая власть не может гарантировать свободы и достоинства людей.

Более того, Пий XII говорит о том, что если будущее должно принадлежать демократии, существенная часть её достижения должна принадлежать христианству, так как оно защищает метафизические истины, являющиеся в конечном счёте основой и директивной нормой каждой демократии.

Схожей позиции придерживается профессор Гарвардского университета Брайан Хехир, утверждающий, что разногласия с либерализмом были слишком глубокими, чтобы их можно было преодолеть. Речь идёт и о роли личности, которая менее автономна и более социальна в католицизме, и в представлении об обществе, которое, в представлении Ватикана, возникло не на договорной, а естественной основе, и в роли государства, которую церковь стремилась ограничить [9]. Ряд учёных полагают, что ставка Пия XII на демократию была попыткой обозначить её границы, в первую очередь ограничив моральную легитимность государственной власти [23].

Существенным изменением можно считать акцент на политических правах личности. Утверждения, что Пий XII стал первым папой, который в

принципе поднял вопрос прав человека, являются заблуждением. Скорее можно говорить о том, что присущая Католической церкви концентрация на социально-экономических правах постепенно расширилась и на политические. Удивительно, но в рамках мирового конституционного развития данный процесс обстоял ровным образом наоборот – сначала принимались конституции и конституционные акты, регламентирующие политические свободы, и лишь позже, в рамках второго этапа – социально-экономические права.

Следует отметить, что усиление акцентов в вопросе поддержки демократии дало бесспорный результат – партии христианских демократов стали самыми влиятельными политическими силами в Италии, ФРГ, обладали существенным воздействием на политику во Франции и других странах. Сами конституции Италии, ФРГ и Франции в период 1946-1949 гг. были написаны под значительным влиянием ценностей христианской демократии, которая, в отличие от начального периода своего существования, пользовалась всеобъемлющей поддержкой Ватикана.

Пий XII сделал важные выводы из безрезультативности принципа *Non expedit*, который запрещал католикам участие в политической жизни Италии, что в итоге привело к ещё большим потерям для Католической церкви, так как политические силы, обладавшие широкой поддержкой католиков, лишались возможности представительства их интересов в органах государственной власти. И вскоре, не случись большевицкая революция в России, у христианских демократов были бы все шансы взять верх над либеральными политическими силами, с которыми они вынужденно пошли на компромисс, для противостояния коммунистической угрозе.

После окончания же Второй мировой войны Католическая церковь оказывала всяческую поддержку христианским демократам, в частности, в Италии. Надо отметить, что к 1946 г. все обстоятельства говорили в пользу доминирования христианских демократов. В Италии церковь оставалась фактически единственной разветвлённой организационной сетью, представленной на территории всей страны. Причём структурно она была организована практически непогрешимо – любое решение Папы Римского неукоснительно соблюдалось любым священником. Организации католиков также беспрекословно поддерживали понтифика, и, соответственно, христианских демократов [13].

Естественно, вся указанная иерархия не имела бы совершенно никакого значения, если бы не голосующие на выборах граждане, на которых и оказывалось влияние посредством структур Святого Престола. Достаточно будет отметить, что до 67% регулярно посещавших церковные службы граждан голосовали за христианских демократов, коих в Италии было на тот момент 2/3 от общего числа населения [18].

Именно христианские демократы Франции, Германии и Италии становятся основоположниками создания Европейского объединения угля и стали, право-

преемником которого станет Европейский союз. Робер Шуман, Конрад Аденауэр и Альчиде Де Гаспери были лидерами христианско-демократических партий своих стран и видели в подобном объединении возможность создания единой «христианской республики». Сегодня, оглядываясь на путь, пройденный ЕС, в том числе многочисленные расширения состава его членов, можно с уверенностью сказать, что единственной глобальной идеей, способной объединить в рамках единого пространства страны от Португалии до Польши, могло быть христианское цивилизационное наследие. Причём, в первую очередь, Католической церкви. Реформация ознаменовала собой «национализацию» церквей, отделение от глобального пространства Католической церкви, что сопровождалось возникновением концепции национального суверенитета. В нынешних условиях христианскую сущность цивилизационного наследия ЕС всеми способами пытаются заменить на светскую «европейскую», которая в действительности является анахронизмом.

Список литературы

1. Енгибарян Р.В. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции. М.: Норма, 2010. 496 с.
2. Benedetto XV. Ad beatissimi apostolorum principis. Litterae encyclicae, die I Novembris 1914. Libreria Editrice Vaticana Publ., 1914. 24 p.
3. Bushlack Th. J. Politics for a Pilgrim Church: A Thomistic Theory of Civic Virtue. Wm. B. Eerdmans Publishing, 2015. 279 p.
4. Calasso F. Enciclopedia del diritto. Vol. 34. Giuffrè Publ., 1958. 256 p.
5. Catholic Church. Pope (1922-1939 : Pius XI). Quadragesimo anno: encyclical letter of Pope Pius XI on constructing the social order. The Paulist press Publ., 1939. 10 p.
6. Chadwick Kay. Catholicism, Politics and Society in Twentieth-century France. Liverpool University Press, 2000. 295 p.
7. Coppa F.J. Controversial Concordats: The Vatican's Relations with Napoleon, Mussolini, and Hitler. CUA Press Publ., 1999. 258 p.
8. Cornwell J. Hitler's Pope: The Secret History of Pius XII. Penguin Publ., 2000. 464 p.
9. Demacopoulos G.E., Papanikolaou A. Christianity, Democracy, and the Shadow of Constantine. Oxford University Press, 2016. 304 p.
10. Emerson Ch. 1913: The World before the Great War. Random House Publ., 2013. 544 p.
11. Grelle B. Antonio Gramsci and the Question of Religion: Ideology, Ethics, and Hegemony. Routledge Publ., 2016. 148 p.
12. Hochhuth R. The Deputy. Grove Press Publ., 2006. 112 p.
13. Leonardi R., Wertman D.A. Italian Christian Democracy: The Politics of Dominance. Springer Publ., 1989. 279 p.
14. Locke J. Second Treatise of Government and a Letter Concerning Toleration. Oxford University Press Publ., 2016. 256 p.
15. Maldonado C. E. Human Rights, Solidarity and Subsidiarity: Essays Toward a Social Ontology. CRVP, 1997. 81 p.
16. Marx K., Engels F. The Communist Manifesto. Filiquarian Publ., 2005. 54 p.
17. Montesquieu. The Spirit of the Laws. Cambridge University Press, 1989. 808 p.
18. Nelsen B. F., Guth J.L. Religion and the Struggle for European Union: Confessional Culture and the Limits of Integration. Georgetown University Press, 2015. 384 p.
19. Pollard J. Benedict XV: The Unknown Pope and the Pursuit of Peace. A&C Black Publ., 2005. 86 p.
20. Pollard J. The Fascist Experience in Italy. Routledge Publ., 2005. 158 p.
21. Pollard J. The Papacy in the Age of Totalitarianism, 1914-1958. Oxford University Press Publ., 2014. 562 p.
22. Pope Pius XII. 1944 Christmas Message of His Holiness Pope Pius XII. National Catholic Welfare Conference Publ., 1944. 2 p.

23. Rhonheimer M. The Common Good of Constitutional Democracy: Essays in Political Philosophy and on Catholic Social Teaching. CUA Press Publ., 2013. 560 p.
24. Riebling M. Church of Spies: The Pope's Secret War Against Hitler. UK, Hachette Publ., 2015. 384 p.
25. Rittner C., Roth J. K. Pope Pius XII and the Holocaust. Bloomsbury Publ., 2016. 304 p.
26. Rossi L. F. Wehrmacht Priests. Harvard University Press Publ., 2015. 352 p.
27. Ryrie A. Protestants: The Faith That Made the Modern World. Penguin Publ., 2017. 528 p.
28. Tagliaferri M. L'Unità Cattolica: studio di una mentalità. Gregorian Biblical BookShop Publ., 1993. 265 p.
29. Tilly Ch. The Formation of National States in Western Europe. Princeton University Press Publ., 1975. 711 p.
30. Trinca L. Conclave e potere politico: il veto a Rampolla nel sistema delle potenze europee, 1887-1904. Studium Publ., 2004. 320 p.
31. Weinberg G.L. Hitler's Foreign Policy 1933-1939: The Road to World War II. Enigma Books, 2010. 1200 p.
32. Wiarda H. J. Corporatism and Comparative Politics: The Other Great «Ism». Routledge Publ., 2016. 212 p.

Об авторе:

Генри Тигранович Сардарян – к.полит.н., декан Факультета управления и политики, МГИМО. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: sgp@inno.mgimo.ru.

CATHOLIC POLITICAL DOCTRINE DURING THE WORLD WARS

Genri T. Sardaryan
DOI 10.24833/2071-8160-2017-6-57-20-39

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The subject of the study is the perception of political ideologies, movements and parties development problems by the Catholic Church, during the period of the First and Second World War. The object of the study is the Catholic political doctrine during the pontificate of Benedict XV, Pius XI and Pius XII. The author pays special attention to the key encyclical – Quadragesimo Anno, published in the 40th year after Rerum Novarum, as well as the influence that the Church has had on the formation of the post-war political system of European countries. Such methods as dialectical, logical, comparative, systemic, and a number of others are widely used in the article. The main conclusion of the author is that during the world wars the Church did not concentrate political doctrine only around foreign policy issues, being in search of a political platform capable of ensuring the implementation of its principles within the political process. Obviously, neither liberalism, nor communism could be such. Moreover, it was precisely because of the emergence of the communist threat that the Catholic Church perceived a number of authoritarian regimes in the early years of their existence as subjects that could be oriented toward a less hostile direction of development. As a result, Pius XII, choosing between existing political ideologies, did not stake on any of them, preferring the choice of a political regime - democracy.

Key words: revolution, Catholic political doctrine, Benedict XV, Pius XI, Pius XII, Democracy, Pope.

References

1. Engibarjian R.V. Konstitutsionnoe razvitiie v sovremennom mire. Osnovnye tendentsii [Constitutional development in the modern world. The main trends]. Moscow, Norma Publ., 2010. 496 p. (In Russian).
2. Benedetto XV. *Ad beatissimi apostolorum principis. Litterae encyclicae, die I Novembris 1914*. Libreria Editrice Vaticana Publ., 1914. 24 p.
3. Bushlack Th. J. *Politics for a Pilgrim Church: A Thomistic Theory of Civic Virtue*. Wm. B. Eerdmans Publishing, 2015. 279 p.
4. Calasso F. *Enciclopedia del diritto*. Vol. 34. Giuffrè Publ., 1958. 256 p.
5. Catholic Church. Pope (1922-1939 : Pius XI). *Quadragesimo anno: encyclical letter of Pope Pius XI on constructing the social order*. The Paulist press Publ., 1939. 10 p.
6. Chadwick K. *Catholicism, Politics and Society in Twentieth-century France*. Liverpool University Press, 2000. 295 p.
7. Coppa F.J. *Controversial Concordats: The Vatican's Relations with Napoleon, Mussolini, and Hitler*. CUA Press Publ., 1999. 258 p.
8. Cornwell J. *Hitler's Pope: The Secret History of Pius XII*. Penguin Publ., 2000. 464 p.
9. Demacopoulos G.E., Papanikolaou A. *Christianity, Democracy, and the Shadow of Constantine*. Oxford University Press, 2016. 304 p.
10. Emmerson Ch. 1913: *The World before the Great War*. Random House Publ., 2013. 544 p.
11. Grelle B. *Antonio Gramsci and the Question of Religion: Ideology, Ethics, and Hegemony*. Routledge Publ., 2016. 148 p.
12. Hochhuth R. *The Deputy*. Grove Press Publ., 2006. 112 p.
13. Leonardi R., Wertman D.A. *Italian Christian Democracy: The Politics of Dominance*. Springer Publ., 1989. 279 p.
14. Locke J. *Second Treatise of Government and a Letter Concerning Toleration*. Oxford University Press Publ., 2016. 256 p.
15. Maldonado C. E. *Human Rights, Solidarity and Subsidiarity: Essays Toward a Social Ontology*. CRVP, 1997. 81 p.
16. Marx K., Engels F. *The Communist Manifesto*. Filiquarian Publ., 2005. 54 p.
17. Montesquieu Ch. de. *The Spirit of the Laws*. Cambridge University Press, 1989. 808 p.
18. Nelsen B. F., Guth J.L. *Religion and the Struggle for European Union: Confessional Culture and the Limits of Integration*. Georgetown University Press, 2015. 384 p.
19. Pollard J. *Benedict XV: The Unknown Pope and the Pursuit of Peace*. A&C Black Publ., 2005. 86 p.
20. Pollard J. *The Fascist Experience in Italy*. Routledge Publ., 2005. 158 p.
21. Pollard J. *The Papacy in the Age of Totalitarianism, 1914-1958*. Oxford University Press Publ., 2014. 562 p.
22. Pope Pius XII. *1944 Christmas Message of His Holiness Pope Pius XII*. National Catholic Welfare Conference Publ., 1944. 2 p.
23. Rhonheimer M. *The Common Good of Constitutional Democracy: Essays in Political Philosophy and on Catholic Social Teaching*. CUA Press Publ., 2013. 560 p.
24. Riebling M. *Church of Spies: The Pope's Secret War Against Hitler*. UK, Hachette Publ., 2015. 384 p.
25. Rittner C., Roth J. K. *Pope Pius XII and the Holocaust*. Bloomsbury Publ., 2016. 304 p.
26. Rossi L. F. *Wehrmacht Priests*. Harvard University Press Publ., 2015. 352 p.
27. Ryrie A. *Protestants: The Faith That Made the Modern World*. Penguin Publ., 2017. 528 p.
28. Tagliaferri M. *L'Unità Cattolica: studio di una mentalità*. Gregorian Biblical Bookshop Publ., 1993. 265 p.
29. Tilly Ch. *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton University Press Publ., 1975. 711 p.
30. Trincia L. *Conclave e potere politico: il veto a Rampolla nel sistema delle potenze europee, 1887-1904*. Studium Publ., 2004. 320 p.
31. Weinberg G.L. *Hitler's Foreign Policy 1933-1939: The Road to World War II*. Enigma Books, 2010. 1200 p.
32. Wiarda H. J. *Corporatism and Comparative Politics: The Other Great "Isms"*. Routledge Publ., 2016. 212 p.

About the author:

Genri T. Sardaryan – Ph.D. in Political Science, Dean at the School of Governance and Politics, MGIMO-University, Russia, 119454, Moscow, Vernadsky Prospekt, 76.
E-mail: sgp@inno.mgimo.ru.